

Басараб Николеску

Гурджиевская философия природы

Почти повсеместно стало очень модным находить параллели между современной наукой и тем или иным учением, той или иной философской системой, той или иной религией. Социальная подоплека подобной тенденции достаточно очевидна: современный всемогущий «бог» технонауки призывается в свидетели «серьезности» другой области знания.

Даже если намерения некоторых исследователей (и я включаю в их число тех, кто рассматривает соотношения между наукой и Гурджиевским учением) и не ограничены этой мотивацией, тем не менее налицо большое недоразумение. Методология и перспективы того или иного учения, системы философии, или религии чрезвычайно отличаются от методологии и целей современной науки. Сравнение результатов или идей, кажущихся сходными, может привести лишь к наихудшим заблуждениям, расплывчатым аналогиям, лишенным смысла и, в лучших случаях, к «поэтическим» сравнениям.

Тем не менее, поиск истинного соотношения между наукой и подобными сферами знания мог бы, по моему мнению, оказаться ценным. Такую связь можно проследить в вопросе философии природы, как он рассматривается тем или иным учением или религией.

Очевиден факт, что Гурджиевское учение рассматривает философию природы, и в данном труде я намереваюсь подробнее остановиться на этом. Гипотеза соотношения между человеком и природой была недвусмысленно сформулирована Гурджиевым:

"Невозможно изучать систему Вселенной, не изучая человека. В то же время, невозможно изучать человека, не изучая Вселенную. Человек – это образ мира. Он был сотворен по тем же законам, по которым был сотворен весь мир. Зная и понимая себя, он узнает и поймет весь мир, все законы, которые создали мир и управляют миром. И в то же время, изучая мир и законы, им управляющие, он узнает и поймет законы, которые управляют им... Таким образом, изучение мира и изучение человека должны вестись параллельно"¹.

Сравнение между современной наукой и этим типом философии уходит далеко за пределы чисто интеллектуального упражнения. Во-первых, ряд великих научных открытий направлялся идеями философии природы. Например, хорошо известна роль, сыгранная немецкой натурфилософией в открытии Эрстедом электромагнетизма в 1820 году. Подобные случаи редки, но важно само их наличие, а не их число. Они доказывают наличие глубинной связи между природой и «реалистичной» философией природы.

Не менее важным выглядит и второй аспект. Характерной чертой нашей эпохи является отсутствие смысла, и прежде всего – отсутствие системы ценностей, направляющих технонауку. В таком контексте мы и рассмотрим Гурджиевскую философию природы.

ПРИНЦИП ПРЕРЫВНОСТИ И КВАНТОВАЯ НЕОДНОРОДНОСТЬ

Одним из наиболее удивительных аспектов Гурджиевской философии природы является центральная роль, отводимая прерывности и ее прямая связь с современной физикой.

Действительно, за редкими исключениями, непрерывность – константа человеческого мышления. Возможно, ее основой служат доказательства, получаемые нами при помощи органов чувств: непрерывность нашего тела, непрерывность окружающей обстановки, непрерывность памяти. Она относится к видимой области,

области неизменных, устойчивых форм (или форм, развивающихся неизменным путем), области объектов. Смерть, естественные катаклизмы, мутации до недавнего времени считались проявлением случайности или непостижимой тайны. Для своего развития наука нуждается в математическом аппарате. Подобный инструмент, основанный на непрерывности, был открыт Ньютоном и Лейбницем: дифференциальное исчисление. Столетиями научная мысль питалась идеей непрерывности.

Гурджиев, однако, подчеркивал важнейшую роль прерывности, или дискретности, в природе:

"Отметим, что согласно принятым на Западе взглядам, вибрации непрерывны. Это означает, что вибрации считают развивающимися беспрепятственно по восходящей или нисходящей линии, - пока продолжает действовать сила первоначального импульса, вызвавшего вибрацию и преодолевающего сопротивление среды, в которой эта вибрация происходит. Когда сила импульса иссякнет, а противодействие среды возьмет верх, вибрации естественно замирают и прекращаются. Но пока этот момент не достигнут, т.е. не началось естественное ослабевание, вибрации развиваются однообразно и постепенно, а при отсутствии противодействия могут длиться бесконечно. Одно из фундаментальных положений нашей физики - это непрерывность вибраций, хотя данное положение не было точно сформулировано, поскольку его никогда не ставили под сомнение. В некоторых новейших теориях это положение пошатнулось. Тем не менее, физика еще очень далека от правильных воззрений на природу вибраций или того, что соответствует нашим концепциям вибраций в реальном мире.

В этом случае точка зрения древнего знания противоречит точке зрения современной науки, ибо в основу понимания вибраций древнее знание полагает принцип отсутствия непрерывности вибраций.

Принцип отсутствия непрерывности вибраций выражает характерный признак всех вибраций в природе, возрастающих или нисходящих: они развиваются не однообразно, а с периодическими ускорениями и замедлениями¹².

Эти положения были сформулированы Гурджиевым в 1915 году. Дата важна*.

Сам Гурджиев был в курсе этих научных исследований, как доказывают его слова «в некоторых новейших теориях это положение пошатнулось». Говоря о «современной науке» Гурджиев имел в виду то, что мы называем сегодня «классической наукой». Кроме этого, важно то, что Гурджиев видит эпистемологический и философский барьер современной ему науки.

В предисловии к своей работе, опубликованной в 1900 году, Макс Планк писал: «После нескольких недель самого напряженного труда в моей жизни передо мной забрезжил свет во тьме, и стали открываться неожиданные перспективы³». Этот «свет во тьме» привел его к созданию концепции – элементарному кванту действия («действие» - физическая величина, соответствующая энергии, умноженной на время) – которая должна была совершить революцию в физике и серьезно изменить наше видение мира. Квант выражается универсальной константой («постоянная Планка»), имеющей определенное значение.

Квант Планка представляет дискретную, прерывную структуру энергии. Планк полностью сознавал, что разрушением старых всемогущих концепций непрерывности ставятся под вопрос самые основы классического реализма: «Этот квант представляет

* Датой рождения квантовой механики считается 1900 год, в котором были опубликованы работы Макса Планка об излучении «черного тела» («черное тело» - тело, полностью поглощающее электромагнитное излучение). Как мы увидим, эти работы положили начало пониманию прерывной структуры энергии. До 1915 года было сделано немало открытий, но как теория квантовой механики не была сформулирована до 1920-1930 годов. С этих пор она служит формальной основой современной физики частиц, которая продолжает и в то же время включает в себя квантовую механику и теорию относительности Эйнштейна.

собой нечто абсолютно новое, неожиданное, и совершает революцию в теоретической физике, основанной на непрерывности, присущей всем причинно-следственным отношениям с момента открытия дифференциального исчисления Лейбницем и Ньютоном⁴».

Нужно иметь в виду, что «прерывность», или «дискретность», о которой мы говорим (в отношении квантовой теории или же в отношении к Гурджиевской космологии) – это чистая и устойчивая прерывность, не имеющая ничего общего с популярным значением этого слова (например, развилка дороги). Чтобы попытаться уловить всю странность идеи прерывности, представьте себе птицу, прыгающую с одной ветки на другую без прохождения каких-либо промежуточных точек: как если бы птица внезапно материализовывалась на одной ветке, затем на другой. Несомненно, что перед такой возможностью наше привычное воображение пасует. Однако подобные ситуации можно точно описать математически.

Квантовая прерывность – бесконечно менее богатая концепция, чем прерывность в том смысле, в каком она используется в Гурджиевской космологии. Там она представлена как фундаментальный аспект одного или двух законов, управляющий всеми мирами (закон семи). Условием взаимопроникновения разных миров являются «непременные-аспекты-интервала-непрерывно-струящегося-целого⁵». Прерывность позволяет единству существовать в многообразии, а многообразию – в единстве. Прерывность дает возможность эволюции и инволюции. Прерывность допускает сосуществование глобальной причинности и локальной причинности. И наконец, прерывность убеждает в высоком положении человека и придает смысл его жизни. Таким образом, мы находимся очень далеко от квантовой прерывности.

МАТЕРИЯ И СТЕПЕНИ МАТЕРИАЛЬНОСТИ

Гурджиев неоднократно подчеркивал материалистический характер своего учения: «Все во Вселенной материально: *поэтому Великое Знание более материально, чем материализм*⁶». Он добавлял: «Все во Вселенной может быть взвешено и измерено. Абсолют так же материален, так же взвешиваем и измерим, как луна, как человек⁷». Это заявление шокировало некоторых спиритуалистов и приверженцев Традиции, и умиротворяло некоторых ученых (забудем на время слово «Абсолют»).

Это смелое утверждение, однако, полностью раскрывается только в тот момент, когда Гурджиев проводит различие между «материей» и «степенью материальности». Как и любой ученый, Гурджиев убежден, что «материя везде одна и та же⁸». Но он вводит понятие степени материальности, связанной с энергией: «Верно: материя везде одна и та же; но материальность различна. А разные степени материальности непосредственно зависят от свойств и качеств энергии, проявляющейся в данном пункте⁹».

Для физика девятнадцатого столетия идея «степеней материальности» мало бы что означала. Она приобретает реальную ценность с открытием квантового мира, чьи законы кардинально отличаются от законов макрофизического мира. Изучение бесконечно малого обнаруживает степень материальности, отличную от макрофизического мира.

Мы не будем обсуждать здесь законы квантовой физики. Но позвольте вкратце упомянуть о существенном факте.

Классическая физика признает два вида отличных друг от друга объектов: корпускулы* и волны. Классические корпускулы – дискретные объекты, четко локализованные в пространстве и характеризующиеся, с динамической точки зрения, их энергией и инертной массой. Корпускулы можно легко представить в виде бильярдных шаров, постоянно путешествующих в пространстве и времени, описывающих очень точную траекторию. Что касается волн, их представляли занимающими все пространство,

* «Корпускула» - термин, использовавшийся на заре квантовой физики.

в континууме. Волновой феномен может быть описан как наложение периодических волн, характеризующийся пространственным периодом (длина волны) и временным периодом. Точно так же волна может характеризоваться «частотой вибраций» (величина, обратная периоду колебаний) и «пространственной частотой волны» (величина, обратно пропорциональная длине волны). Таким образом, волны легко визуализировать.

Квантовая механика полностью перевернула эту точку зрения. Квантовые частицы – это корпускулы и волны в одно и то же время. Их динамические характеристики связаны с формулами Эйнштейна-Планка (1900-1905) и де Бройля (1924): энергия пропорциональна временной частоте (формула Эйнштейна-Планка), а инертная масса пропорциональна пространственной частоте волны (формула де Бройля). В обоих случаях коэффициентом пропорциональности служит постоянная Планка.

Это представление квантовой частицы противостоит всем попыткам представить ее в форме пространства и времени, поскольку очевидно, что невозможно представить в уме нечто, что являлось бы одновременно корпускулой и волной. В то же время энергия изменяется дискретным образом. Природой воссоединяются концепции непрерывности и прерывности.

Нужно хорошо понимать, что квантовая частица – совершенно новый объект, который нельзя свести к классическим представлениям; квантовая частица – это не простое сопоставление корпускулы и волны.

Квантовую частицу можно описать как единство противоположностей. Более правильным было бы заявить, что это частица не является ни корпускулой, ни волной. Единство противоположностей – более, чем простая сумма его классических составляющих, совокупность которых противоречива (с классической точки зрения) и приближительна (с квантовой точки зрения).

Когда Гурджиев утверждает, что «мир состоит из вибраций и материи, или из материи в состоянии вибраций, из вибрирующей материи⁹», и когда мы вспоминаем роль, которую он придавал частоте вибраций, энергии, прерывности, заманчиво подумать о новых квантовых объектах. Позвольте внести ясность: я не утверждаю, будто квантовые частицы можно отождествить с «вибрациями», о которых говорил Гурджиев (что в любом случае было бы абсурдно), но они представляются их воплощением в квантовом мире. В то же время неоспорим тот факт, что открытие квантового мира дало рациональное научное объяснение понятию «степень материальности». Гурджиев связывал тонкость материи с частотой вибраций: «Выражение "плотность вибраций" соответствует частоте этих вибраций и употребляется в смысле, противоположном понятию "плотности материи", т.е. чем выше "плотность материи", тем ниже "плотность вибраций", и наоборот, чем выше "плотность вибраций", тем ниже "плотность материи". Наивысшей "плотностью вибраций" обладает самая тонкая, наиболее разреженная материя. А в материи с наибольшей возможной плотностью вибрации замедляются и почти прекращаются. Поэтому самая тонкая материя соответствует наивысшей "плотности вибраций"¹⁰».

Действительно, какую можно представить связь между стулом и нейтрино (частицей, не имеющей массы и электрического заряда, беспрепятственно проникающую сквозь нашу макрофизическую материю)? Ясно, что это вопрос двух разных миров – двух разных уровней реальности, управляемых разными законами – и что различие степени тонкости материи между одним и другим уровнем чрезвычайно значительно.

Существование разных уровней материи позволяет нам увидеть, что существуют разные типы материи, определяемые именно их степенью материальности. Гурджиев – не единственный современный мыслитель, убежденный в существовании нескольких типов материи. Стефан Люпаско* (1900-1988), в основе философии которого лежит квантовая

* Stéphane Lupasco.

физика, посредством своей логики энергетического антагонизма пришел к выводу о существовании трех типов материи-энергии.

Говоря о количестве типов материи, Гурджиев высказывал два взаимопротиворечащих утверждения. В сборнике его лекций, изданных под названием «Взгляды из реального мира», он говорит: «Единство состоит из трех материй»¹¹, в то время как в «Поисках чудесного» он утверждает, что существует «двенадцать категорий материи»¹². Фактически здесь нет противоречия. Когда Гурджиев, как и Люпаско, говорит о трех типах материи, он недвусмысленно ссылается на закон трех, дающий структуру всем феноменам реальности. В этом смысле число три, выдвинутое Гурджиевым и Люпаско, не является простым совпадением; вывод Люпаско, основанный на тернарной логике – «включенном среднем» – явно соотносится с законом трех. Наконец, рассматривая идею материальности по отношению к структуре Вселенной, Гурджиев в своей космологии заключает, что должно непременно существовать двенадцать категорий материи. Это обеспечит ученых работой на несколько столетий.

Существование двух материй – макрофизической материи и микрофизической материи – пусть даже не единогласно принятое (или признанное таковым), не вызывает жесткого противодействия. С другой стороны, одного упоминания «биологической материи» или «психической материи» довольно, чтобы заставить бурлить научный мир, в котором все еще господствует редуционизм. Точно так же не каждый готов принять утверждение Люпаско (идеи которого очень близки идеям Гурджиева), что каждая система включает в себя аспект, который одновременно является макрофизическим, биологическим и психическим.

По Гурджиеву, в природе нет ничего полностью инертного; все находится в движении: «скорость вибрации материи показывает степень разумности данного ее вида. Вы должны помнить, что в природе нет ничего мертвого и неодушевленного. Все по-своему живо и сознательно, все разумно. Только эта сознательность и разумность выражается по-разному на разных уровнях бытия, т.е. в разных масштабах. Но вам необходимо понять раз и навсегда, что в природе нет ничего мертвого и неодушевленного; просто существуют разные степени одушевленности и разные масштабы»¹³.

Это, на первый взгляд, удивляющее утверждение соответствует тому, что мы наблюдаем в микрофизических масштабах. «Инертная материя» – выражение классической науки, в наши дни полностью утратившее свой смысл. Микрофизическая материя является чем угодно, но уж ни в коем случае не «инертной материей». На микрофизическом уровне кипит деятельность, происходит бесконечное количество процессов, вечная трансформация энергии и материи, постоянное создание частиц и античастиц. Ошеломляющее количество информации и увеличивающаяся плотность энергии в квантовом мире доказывает, что практически невозможно провести границу между живым и неживым. Вполне вероятно, что квантовая частица обладает собственной индивидуальностью, собственным разумом, в совокупных отношениях вечного сотворения и аннигиляции всех других частиц.

Гурджиев часто возвращался к проблеме разумности материи: «Помимо своих космических качеств, каждое вещество также обладает психическими качествами, т.е. определенной степенью разумности»¹⁴. Это объясняет, почему определенные вещества способствуют эволюции человека, эволюции, которая является ядром Гурджиевского учения.

По Гурджиеву, между материями не существует разделения: «Тонкие материи пронизывают более плотные»¹⁵. Яркий пример – микрофизическая материя, пронизывающая макрофизическую материю. Протоны, нейтроны, электроны, квантовый вакуум находятся в нас, пусть даже мы и не отождествляем себя с квантовым миром.

Гурджиев идет еще дальше, утверждая, что в человеке содержатся все материи Вселенной: «Вся окружающая нас мировая материя, пища, которую мы едим, вода,

которую пьем, воздух, которым дышим, камни, из которых построены наши дома, наши собственные тела - все это пронизано разными видами материи, существующей во Вселенной. Нет необходимости изучать или исследовать Солнце, чтобы обнаружить материю солнечного мира: эта материя находится в нас самих, будучи результатом деления наших собственных атомов. Точно так же в нас пребывает материальная среда всех иных миров. Человек представляет собой "миниатюрную вселенную" в полном смысле этого слова: в нем наличествуют все виды материи, из которых состоит вселенная: действуют те же силы, те же законы, что управляют жизнью во вселенной; поэтому, изучая человека, мы можем изучить весь мир, а изучая мир, можем изучить человека»¹⁶.

Как можно увидеть, материализм Гурджиевского учения – чрезвычайно комплексный, и мы лишь поверхностно коснулись его отношения к современной науке. Но несомненно одно: Гурджиевские «материи» обладают многочисленными аспектами, большинство из которых выходит за рамки методологии современной науки, поскольку они касаются внутренней алхимии человека.

ЗАКОН ТРЕХ И НЕОБХОДИМОСТЬ НОВОЙ ЛОГИКИ

Испокон веков в человеческой деятельности преобладало бинарное мышление: «да» или «нет». Длительное столетиями царствование Аристотелевской логики продолжается и по сей день. В некоторых традиционных учениях (особенно в христианской теологии) имеется возможность новой логики, но эта возможность остается в руках малого числа посвященных. К этой новой логике относится учение Гурджиева о законе трех, который проявляет себя также и в квантовой физике.

Согласно Гурджиеву, закон трех – «фундаментальный закон, создающий все феномены во всем многообразии единства всех Вселенных».

«Это "закон трех", или закон *трех принципов, трех сил*. Он проявляется в том, что любое явление, в каком бы масштабе оно ни происходило, от молекулярных до космических, представляет собой результат сочетания или встречи трех различных и противоположных сил. Современная мысль принимает наличие двух сил и их необходимость для того, чтобы возник какой-нибудь феномен: сила и противодействие, положительный и отрицательный магнетизм, положительные и отрицательные электрические заряды, мужские и женские клетки и так далее, но она не всегда и не везде находит даже эти две силы. Относительно же третьей силы вопрос никогда и не ставился, а если кто-то его поднимал, остальные ничего не слышали.

Согласно истинному, точному знанию, одна или две силы не в состоянии произвести какое-либо явление. Необходимо присутствие третьей силы, ибо только с ее помощью первые две могут произвести в той или иной сфере то, что называется феноменом. Первую силу можно назвать активной, или позитивной; вторую – пассивной, или негативной; третью – нейтрализующей. Но это – лишь названия, поскольку в реальности все три силы одинаково активны и проявляются как активная, пассивная и нейтрализующая лишь в точке их соприкосновения, так сказать, *только по отношению друг к другу в данный момент*»¹⁷.

Перед обсуждением особого характера третьего принципа позвольте коротко остановиться на характере противоположности (или, как это называет Люпаско, «антагонистическом противоречии») между тремя принципами, к которым постоянно возвращается Гурджиев. В «Рассказах Баалзебуба своему внуку» он описывает закон трех как «закон, который всегда переходит в следствие и становится причиной последующих следствий и всегда функционирует посредством трех скрытых в нем независимых и совершенно противоположных характерных проявлений, невидимо и неосяцаемо»¹⁸.

Стоит подчеркнуть этот аспект: скрытый, невидимый и неосязаемый характер трех принципов. Манифестация возможна только благодаря взаимодействию между законом трех и законом семи.

Противоположность между тремя принципами – подлинное «противоречие» в философском смысле этого слова: нечто, далекое от саморазрушения, создает себя посредством антагонистической борьбы.

Сравнительно легко представить себе противоречие между двумя понятиями, но практически невозможно (исключая формальные математические построения) постичь противоречие между тремя понятиями. При включении третьего понятия два остальных теряют собственную идентичность. В этом смысле мы можем понять выражение «включенное среднее». Парадоксально, но в логике «включенного среднего» понятия «истинно» и «ложно», отнюдь не теряя свою ценность, значительно расширяются, охватывая большее количество явлений, чем позволяет бинарная логика.

Вышеперечисленные вопросы прекрасно иллюстрирует пример из квантовой физики.

В эксперименте, проводимом (что очевидно) в макрофизическом мире, квантовая частица проявляется как волна или корпускула, так сказать, как одна из двух противоположных и антагонистичных объектов. Мы можем использовать выражение «антагонистическая комплементарность», поскольку качества волн и корпускул взаимоисключаемы. Теперь, с надлежащего уровня реальности квантового мира как третье понятие появляется квантовая частица, не волна и не корпускула, но которая, с точки зрения макрофизического мира, может проявлять себя как волна и как корпускула. В этом смысле квант – примиряющая сила между волной и корпускулой. Но в то же время, не будучи ни волной, ни корпускулой и проявляясь на другом уровне реальности, квант безусловно находится в противоречии с волной или корпускулой.

Нужно отметить, что П.Д. Успенский – один из наиболее известных учеников Гурджиева – в своей книге «Tertium Organum», опубликованной в России в 1912 году, был первым современным мыслителем, утверждавшим о важности принципа «включенного среднего» как фундаментальной логики новой науки.

Ранее я привел в качестве примера третьего понятия квантовую частицу в ее собственном мире. Но видим ли мы эту частицу? Можем ли мы проникнуть в квантовый мир? Наши способы измерения всегда макрофизические, и в действительности квантовую частицу мы не видим. С помощью ускорителей мы можем реконструировать ее, например, по ее следам. Наше макрофизическое строение не дает нам возможности свободно путешествовать в квантовом мире и наблюдать, что же там происходит.

Для понимания этого третьего термина требуется концептуальная революция. Сравнительно недавние открытия в физике частиц неожиданно пролили свет на третью силу. Для объединения всех физических взаимодействий требуется пространство-время, число измерений которого во много раз превосходит число измерений нашего пространства-времени (три измерения пространства и одно измерение времени). Неважно, что подобное объединение может произойти только при сказочных уровнях энергии, недостижимых на наших ускорителях. Важно то, что столь большое число измерений может быть собрано воедино логической последовательностью физических законов. Не является ли это «большое» пространство-время проявлением третьей силы? Может ли третья сила быть источником прерывности, нераздельности и нелокализуемости?

По сравнению с этим «большим» пространством-временем мы, бедные жители четырех измерений, слегка напоминаем двумерных существ концептуальной Вселенной Эдвина А. Эбботта*, Флатландии, которым казалось чудом явление существ из мира трех измерений. Но мы можем точно понять эту третью силу, если, как говорил Гурджиев выйдем за пределы ограничений «фундаментальных категорий нашего восприятия

* Edwin. A. Abbott.

феноменального мира», то есть выйдем за пределы нашего ощущения пространства и времени. Настойчивость Гурджиева в его философии природы, связанная с научными идеями «измерений», «пространства» и «времени» выглядит не случайной. В частности, чрезвычайно существенно различие между разными космосами, связанное с разным числом измерений пространства-времени в них.

«Окиданох» - чудесный Гурджиевский символ тернарной динамики и ее проявлений. Он представлен как «Вездесущий Активный Элемент», или как «Уникальный Активный Элемент»¹⁹, особенности которого – основная причина всего, что существует во Вселенной. «Только одна космическая кристаллизация, существующая под названием "Вездесущий Окиданох", получает свое первоначальное возникновение - хотя она также кристаллизуется из Эфирокрилно - из трех Святых источников Теомертмалогоса, то есть из эманации Святейшего Солнца Абсолют. Повсюду во Вселенной этот "Вездесущий Окиданох", или "Вездесущий Активный Элемент", принимает участие в образовании как больших, так и малых возникновений и является вообще основной причиной большинства космических явлений»²⁰.

В прямой связи с тремя принципами закона трех, естественно, что «никакие результаты, нормально полученные из процессов, происходящих благодаря этой Вездесущей Мировой Субстанции, никогда не могут быть восприняты существами или ощущаться ими»²¹. Но как связать неуловимый характер трех принципов закона трех с фактом, что Окиданох является, в то же время, субстанцией, пронизывающей все космические формации? Действительно, «когда сгущается новая космическая единица, то "Вездесущий Активный Элемент" не сливается целиком с таким новым возникновением и не трансмутируется целиком в каком-нибудь определенном надлежащем месте - как происходит со всеми другими космическими кристаллизациями во всех упомянутых космических формациях, - а как только он входит целиком в какую-нибудь космическую единицу, в нем сразу же происходит так называемый "Джартклом", то есть он распадается на те три основных источника, из которых он получил свое первоначальное возникновение, и только тогда эти источники, каждый в отдельности, дают начало независимому сгущению трех отдельных соответствующих формаций внутри данной космической единицы»²². Таким образом, три принципа присутствуют повсюду. Но что же придает Окиданох характер субстанции, или вещества? Определенно, не три принципа. Поэтому Гурджиев вводит символ *эфирокрилно*, «той первичной субстанции, которой заполнена вся Вселенная и которая является основой возникновения и поддержания всего существующего»²³. Именно этот четвертый элемент Окиданох и придает ему характер вещества: «определенная часть чистого - то есть абсолютно несмешанного - Эфирокрилно непременно входит во все космические формации и служит там, так сказать, для связи всех активных элементов этих формаций, а потом, когда три его составные части сливаются вновь, упомянутая часть Эфирокрилно восстанавливается»²⁴.

Попутно заметим, что символ Окиданох создает интересные взаимоотношения между «тремя» и «четырьмя»: «три» представляет скрытую, невидимую и неосязаемую характеристику трех принципов, в то время как «четыре» представляет проявление трех принципов на плане материи-энергии.

Фонетическое сходство может заставить нас подумать о возможной связи между «эфирокрилно» и «эфиром», особенно когда Гурджиев говорит о «первичной субстанции, которой заполнена вся Вселенная». Но здесь нет подлинной взаимосвязи. Эфир – это неподвижная, универсальная система координат. Эфирокрилно, вместе с Окиданох, связано с движением, трансформацией, передачей энергии.

Мы можем представить Окиданох полем, наполняющим все космосы, чьи вибрации преобразуют закон трех в материальные проявления. Если «естественный» человек восприимчив к дуализму, то Вселенная, насколько можно заключить, безусловно нуждается в трех действующих силах.

ПРИРОДА: ЕДИНСТВО В МНОГООБРАЗИИ

По Гурджиеву, Бог был вынужден сотворить мир:

"И в это время нашему Создателю-Вседержцу явилась надобность сотворить теперь существующий Мегалокосм, то есть наш мир... Наш Всемогущий Творец однажды заметил, что Солнце-Абсолют, на котором он пребывал, хотя и незаметно, но постоянно уменьшается в размере... Причиной постепенного уменьшения размеров Солнца-Абсолюта был Геропас, или течение самого времени"²⁵.

На первый взгляд это утверждение может показаться лишь проявлением знаменитого Гурджиевского юмора. Но роль, приписываемая времени, чрезвычайно занимательна; сходная идея имеется в космологии Якоба Беме (1575-1624). По Беме, Бог также вынужден был сотворить Вселенную – из-за насущной жажды познать себя. Так он умер для себя, чтобы родиться, подвергнув себя циклу времени. «Рождение Бога» - фундаментальный аспект доктрины Беме.

Между философией Гурджиева и Беме можно найти немало сходных черт²⁶: закон трех и закон семи, лежащие в основе их космологии, роль прерывности, универсальный обмен веществ, живая Природа. У Гурджиева, как и у Беме, имеется два значения слова «природа»: «сотворенная природа» и «божественная природа». Идея природы – объёмлющая как божественную, так и сотворенную природу – относится к взаимодействию между всеми уровнями реальности. Итак, согласно и Гурджиеву, и Беме, материализм и спиритуализм – две грани одной и той же реальности.

Удивительно, что среди бесчисленных книг и штудий, посвященных учению Гурджиева, нет ни одной, посвященной сходству идей Беме и Гурджиева. Нельзя полагать, что работы Беме служили Гурджиеву источником вдохновения. Их философии природы четко отличаются, и отличаются даже в сходных элементах (например, динамическое функционирование закона трех и закона семи). Ясно одно: на протяжении веков в различных философиях природы неизменно появлялся ряд фундаментальных идей. Этот факт, который особенно важен сегодня, когда ведется поиск новой философии природы, находящейся в гармонии с открытиями современной науки. Вернемся к Гурджиевской концепции Творения: необходимо было спасти божественный мир от воздействия времени. Так была сотворена Вселенная, бесконечная цепь, скованная универсальной взаимозависимостью, что позволило избежать воздействия времени. Гурджиев называл эту универсальную взаимозависимость «величайший общекосмический Трогоавтоэгократический процесс... подлинный спаситель от закономерного воздействия безжалостного Геропаса»²⁷, или «Трогоавтоэгократический процесс, система, которая поддерживает все возникшее и существующее, реализованная нашим БЕСКОНЕЧНЫМ ТВОРЦОМ для того, чтобы во Вселенной мог происходить так называемый "обмен веществ", или "взаимное питание" всего существующего, и чтобы поэтому безжалостный "Геропас" не мог бы оказывать своего пагубного воздействия на Солнце Абсолют»²⁷.

Трогоавтоэгократический процесс и самосовершенствование: Принцип универсальной взаимозависимости можно встретить не только в учении Гурджиева. Он встречается по многим традиционным учениям. Однако Гурджиевская трактовка, бесспорно, оригинальна.

Вселенная Гурджиева характеризуется обобщенной нераздельностью: «все зависит от всего остального, все связано, нет ничего отдельного. Поэтому все идет только по тому пути, по которому должно идти»²⁸.

Системы разных уровней обладают собственной автономией, ибо, согласно Гурджиеву, Абсолют непосредственно участвовал только в сотворении первого космоса.

Другие космосы сформировались на основе самоорганизующих принципов – однако всегда подчиняясь закону трех и закону семи. Таким образом было обеспечено многообразие Вселенной. С другой стороны, взаимодействие разных космосов посредством универсального обмена материи-энергии обеспечивает единство многообразия. По словам Гурджиева, «ученое существо» по имени Атарнах выдвинуло следующую гипотезу: «По всей вероятности, в Мире существует закон взаимного поддержания всего существующего. Очевидно, наши жизни также служат для поддержания чего-то великого или малого в Мире»²⁹.

Гурджиевская Вселенная не статична, это Вселенная, находящаяся в вечном движении и изменяющаяся не только на физическом плане, но и в плане биологическом и психическом. В разных мирах всегда происходит эволюция и инволюция. И если брать в расчет число разных материй, характеризующихся разными степенями материальности, можно понять важнейшую роль универсального обмена веществ в эволюции и инволюции:

"В связи с этими неотъемлемыми процессами «эволюции» и «инволюции» в законе Гептапарапаршинок в больших и малых космических концентрациях начали кристаллизоваться и растворяться разные виды определенных субстанций с их собственными, присущими только им качествами. Эти субстанции объективная наука называет «активные элементы». Все результаты «эволюции» и «инволюции» этих активных элементов осуществляются Трогаавтоэгократическим принципом; и во всей Вселенной, средствами взаимного поедания и поддержания существования друг друга они производят общекосмический процесс «Иранирануманж», или, как я уже говорил, «общекосмический обмен субстанций»³⁰.

Трогаавтоэгократический процесс замечательным образом соотносится с принципом «самосовершенствования»*, сформулированным в 1960 году американским физиком Джеффри Чью*. В научном контексте ближайшим эквивалентом этому слову будет термин «самостоятельность»*.

Теория самосовершенствования появилась, как естественная реакция на классический реализм и идею необходимости стабилизации процессов в пространстве-времени. Предлагая радикальный отказ от всех процессов стабилизации, теория самосовершенствования подразумевает отсутствие всех фундаментальных «строительных блоков» физической реальности. Согласно этой теории, у квантовой частицы имеется три различных роли: (1) роль компонента составных систем; (2) роль посредника силы, отвечающей за единство составной системы; (3) роль составной системы.

Итак, в теории самосовершенствования часть проявляется в то же время, как целое. Рассматривается вопрос самого понятия идентичности частиц: оно используется вместо понятия взаимоотношений между «событиями». Отношения между событиями отвечают за появление того, что мы называем частицей. Не существует объекта в себе, обладающего собственной идентичностью, который мы могли бы отделить или обособить от других частиц. Частица есть то, что она есть, поскольку все другие частицы существуют в то же самое время: атрибуты детерминированного физического объекта являются результатами взаимодействий со всеми остальными частицами. Согласно теории самосовершенствования, действительно существует закон «взаимного поддержания» всех квантовых частиц. И, как и в Трогаавтоэгократическом процессе, система есть то, что она есть, поскольку все другие системы существуют в одно и то же время. Необходимо подчеркнуть роль самостоятельности в построении реальности – самостоятельности, обеспечивающей связность Всего.

* Bootstrap.

* Geoffrey Chew.

* Self-consistency.

В формулировке принципа самосовершенствования имеются различные степени обобщений. Так, английский физик Пол Дэвис* не колеблясь, говорит о «космическом самосовершенствовании»³¹.

В этой общей форме теория самосовершенствования пытается ответить на вопрос: как устроена Вселенная? Является ли она неким механизмом, несомненно изумительным, но все же механизмом, построенным из практически независимых систем, механически взаимосвязанных? Или в ее основе лежит единство, поддерживаемое динамическим разумом в перманентной эволюции на всех уровнях природы? Является ли уровень природы тем, что он есть, поскольку в то же самое время существуют и все другие уровни? Существуют ли законы, применимые ко всем уровням природы (частицам, атомам, планетам), непреложные законы, которые, однако, по учению Гурджиева, производят различные эффекты в зависимости от уровня, на котором они действуют? Другими словами, существует ли между различными уровнями природы то, что можно назвать «взаимное питание» или «взаимное поддержание»? Или же Вселенная – юдоль печали, где каждый уровень обречен из-за постоянного роста беспорядка, энтропии, на разрушение и смерть?

Вселенная выглядит способной на самосотворение и самоорганизацию без какого-либо «внешнего» вмешательства. Именно этот целостный процесс самосотворения и самоорганизации Пол Дэвис окрестил «космическим самосовершенствованием». «Вселенная наполняет себя исключительно собственной физической природой со всей энергией, необходимой для создания и оживления материи, упорядочивая таким образом энергию собственного взрыва. Это – космическое самосовершенствование. Своим существованием мы обязаны его поразительной мощи»³². Кажется очевидным, что самосотворение и самоорганизация имеют смысл лишь во Вселенной, созданной из бесконечной цепи систем, регулируемых универсальной взаимозависимостью. Условия самосотворения и самоорганизации – единство в многообразии и многообразии единства. Иначе не может действовать ничего, кроме закона случая.

Наконец, логически возможно постулировать форму, еще более обобщенную, чем принцип самосовершенствования, включающую квантовый мир, макрофизический мир, Вселенную, жизнь и сознание. В этой чрезвычайно общей форме принцип самосовершенствования (на настоящем этапе знания) приобретает ненаучный характер. Какова бы ни была судьба теории самосовершенствования в физике частиц (доминирующая теория в 1960-1970 годах, ныне вытесненная теорией квантового поля), она представляет немалый методологический и эпистемологический интерес. Это не просто новая тема в физике, скорее, это символ – символ, вызывающий появление видения единства Мира. Этот символ, оставаясь точным, неисчерпаем. Он широко проявляется в области естественных систем. Действительно, существует «тотальное самосовершенствование», составляющее видение Мира, и «частичное самосовершенствование», относящееся к научной теории. Одно без другого выглядит бледно и, в конце концов, бесплодно. Двойной аспект принципа самосовершенствования как символа и научного понятия объясняет, почему он позволяет столь тесно увязать науку и философию природы.

Космические измерения и объединение физических взаимодействий: Вернемся к понятию «измерений» и его смыслу. В центре Гурджиевской философии природы лежит идея «космосов»: «только идея космосов дает прочное основание для установления законов относительности. Подлинная наука и подлинная философия должны основываться на понимании законов относительности. Следовательно, можно сказать, что наука и философия в истинном смысле этих слов начинаются с идеи космосов»³³. «Луч творения» включает в себя семь космосов, содержащихся один в другом: Абсолют, Все Миры, Все Солнца (Млечный Путь), Солнце, Все Планеты, Земля, Луна. Нас не должны

* Paul Davies.

уводить в сторону имена, данные этим мирам. Например, небесные тела обладают помимо своих обычных физических качеств, другими качествами, объясняющими, почему число измерений пространства отлично от числа измерений нашего мира:

"Каждый космос - это одушевленное и разумное существо. Каждый космос рождается, живет, умирает. Все космосы являются результатом действия одних и тех же сил, одних и тех же законов. Законы всюду одинаковы. Но проявляются они на разных планах вселенной, т.е. на разных уровнях, по-разному, во всяком случае, не одинаково"³⁴.

Интересно представить, как Гурджиев рассматривает понятие «Всех Миров»:

"Можно сказать, что «Все Миры» должны образовать нечто Целое, или Единое, непостижимое для нас... Это Целое, или Единое, или Все, можно назвать «Абсолютом» или «Независимым», поскольку, включая все в себя, оно ни от чего не зависит, представляя собой «мир» для «всех миров»³⁵.

Перед нами отличный пример противоречивого мышления, которое само по себе может ввести нас в мир символов. Интересно отметить, что, согласно Гурджиеву, «Человек живет во всех этих мирах, но по-разному. Это значит, что на него оказывает влияние прежде всего ближайший к нему мир, подходящий к нему вплотную, частью которого он является. Более далекие миры также влияют на человека как непосредственно, так и через другие, промежуточные миры, но их действие уменьшается пропорционально их удаленности от человека или росту различий между ними и человеком. Как будет видно впоследствии, непосредственное влияние Абсолютного до человека не доходит, но влияние следующего мира и влияние мира звезд проявляются в жизни человека уже вполне ясно, хотя они, конечно, науке неизвестны»³⁶. Другими словами, несмотря на свою трехмерную структуру, потенциально человек имеет пусть и трудный, но все же возможный доступ к другим измерениям.

Но в чем же смысл «семи независимых измерений» (пространства, конечно, поскольку в Гурджиевской космологии существует только одно измерение времени)? Используется ли слово «измерение» в его научном, математическом смысле (измерение пространства-времени), или же в нем скрыто расплывчатое и неоднозначное значение, близкое к значениям обычного языка? Ответ не допускает двусмысленности: Гурджиев использует это слово в научном смысле. Во-первых, Успенский представил Гурджиеву интерпретацию последовательности этих семи измерений основанную на научном понимании слова «измерение», и Гурджиев с этим согласился³⁷. С другой стороны, сам Гурджиев несколько раз вполне четко раскрывал этот предмет. Например, он говорит: «Взаимоотношения космосов постоянны и всегда одинаковы. Иначе говоря, один космос относится к другому как *нуль к бесконечности*»³⁸. Но отношение между «нулем и бесконечностью» - именно то, что характеризует отношение между пространством с определенным числом измерений и пространством с большим числом измерений (например, отношение точки к линии, линии к плоскости). Именно это отношение «нуля к бесконечности» вдохновило Эдвина Эбботта на создание замечательной книги «Флатландия»³⁹, где он описывает радости и горести двумерных существ, сталкивающихся с чудесами трехмерного мира. Это напоминает о замечании Гурджиева, связанном с мистическим опытом и экстатическими состояниями: интеллектуальный, эмоциональный и двигательный центры «передают в земных трехмерных формах то, что полностью находится за пределами земных измерений»⁴⁰. Здесь отчетливо видно, что слово «измерение» используется в его научном значении.

Вселенная Гурджиева в своей полноте обладает большим числом измерений. Но, поскольку у различных миров имеются не только физические качества, не означает ли это,

что сама физическая Вселенная может быть описана пространством-временем с большим числом измерений?

Некоторые теории объединения берут в качестве отправной точки пространство с большим числом измерений, чем мир, в котором мы живем. Очевидно, что невозможно представить себе дополнительные измерения пространства, так как наши органы чувств созданы, чтобы соответствовать трехмерной реальности. Однако объединение всех взаимодействий требует физического существования этих странных пространств. В определенном смысле, симметрии, ведущие к объединению, связаны с семью дополнительными измерениями пространства. Возможно, эти семь измерений были «спрессованы» между десятой и сорок третьей секундой после Большого Взрыва; т.е. они скрыты в очень малой области пространства (от десяти до тридцати трех сантиметров). Объединение всех физических взаимодействий, дополнительные измерения пространства, необходимое отношение между частицей и Вселенной (в полном смысле космогенеза): неужели они лишь случайно совпадают с выводами Гурджиевской философии природы?

Квантовый вакуум и Ничто: Я хотел бы завершить данное обсуждение теоретическим предположением, могущим показаться не бесспорным.

По Гурджиеву, луч творения заканчивается Ничто. Действительно, вполне естественно связать «конец» с «Ничто». Но все усложняется, когда он говорит от том, что «Ничто» означает Абсолют в аспекте «Святой Крепкий»:

"Между Всем и Ничто проходит луч творения. Вы знаете молитву: "Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Бессмертный"? Эта молитва пришла из древнего знания. "Святой Боже" значит Абсолютное, или Все; "Святой Крепкий" также означает Абсолютное, или Ничто, "Святой Бессмертный" означает то, что находится между ними, т.е. шесть нот луча творения с органической жизнью. Все три, взятые вместе, составляют одно; это нераздельная и неслиянная Троица".

В этом свете возникает искушение провести связь между «Ничто» и квантовым вакуумом. Мне определенно не хотелось бы утверждать идентичность «Ничто» и квантового вакуума (это было бы нелепо), но можно предположить, что квантовый вакуум может, на физическом плане, являться одной из граней «Ничто». Достоверность подобного предположения доказывается словами самого Гурджиева. Согласно его описанию луча творения, при нисхождении материя становится все более и более плотной, все менее и менее разумной, подверженной все большему числу законов. И вот, в конце луча творения, вновь появляется Абсолют, и линейный аспект луча творения трансформируется в круг. Вселенная замыкается в кольцо, заключающее в себе неопределимое число систем, находящихся в вечном взаимодействии. Таким образом мы можем лучше понять смысл Трогаавтоэгократического процесса.

Значение выражения «квантовый вакуум» находится как нельзя далеко от общепринятого значения слова «вакуум». Чем меньшую и меньшую область пространства мы изучаем, тем мы находим большую и большую активность, признак вечного движения. Ключ к пониманию этой парадоксальной ситуации дается в принципе неопределенности Гейзенберга. Чрезвычайно малая область пространства по определению соотносится с чрезвычайно малым временем и, согласно принципу Гейзенберга, с чрезвычайно широким спектром энергии. Итак, «квантовые флуктуации» вакуума обуславливают внезапное возникновение «виртуальных» пар частица-античастица, взаимно аннигилирующих друг друга, и этот процесс происходит за очень короткие промежутки времени. Все есть вибрация: согласно квантовой физике, мы не можем найти в мире инертную, неподвижную точку, в которой не существовало бы движения. На квантовом уровне вакуум полон; это место спонтанного создания и аннигиляции частиц и античастиц. Квантовые частицы обладают определенной массой и поэтому, согласно теории относительности, для материализации нуждаются в определенной энергии. Направляя в

квантовый вакуум энергию, мы можем способствовать этой возможной материализации. Именно этим мы и занимаемся, конструируя ускорители частиц (здесь возникает замечательная диалектика между «видимым» и «невидимым»: чтобы обнаружить бесконечно малые частица, нам приходится строить гигантские ускорители).

Полный квантовый вакуум в потенциале содержит в себе все частицы, наблюдались ли они уже или нет. Мы сами «извлекли» из Ничто большую часть известных нам частиц при помощи ускорителей и других экспериментальных аппаратов, в то время как «естественный» мир более «экономен»: протона, нейтрона и электрона достаточно для построения практически всей нашей «видимой» Вселенной. В этом смысле мы – участники реальности, охватывающей нас, наши частицы и нашу Вселенную.

Квантовый вакуум – удивительная грань реальности. Квант, вибрации, являются ли они реальными или виртуальными, присутствуют повсюду. Пустота полна вибраций. Потенциально в ней содержится вся реальность. Возможно, вся Вселенная появилась из Ничто благодаря гигантской флуктуации пустоты, известной нам как «Большой Взрыв» (или лучше сказать, «Великий Звук»). Итак, почему бы не провести связь между квантовым вакуумом и Ничто в аспекте «Святой Крепкий»?

Проведенные нами сравнения между современной наукой и Гурджиевской философией природы, возможно, кому-то покажутся опрометчивыми. Эта философия природы – неотъемлемая часть учения Гурджиева, учения согласно традиции. В диалоге между наукой и традицией неизбежно возникают две основные трудности: методология и язык. В методологии традиции человек – не «объективный» наблюдатель реальности, отделенной от него, а участник этой реальности, и его собственная эволюция обусловлена его отношением к другим аспектам реальности. Воспроизведение феноменов в данном смысле не является условием «реальности» данных феноменов, поскольку в этих феноменах не учитываются те или иные аспекты Всего – согласно традиции, объективная наука – это наука Всего. Ясно, что научная методология противоположна традиционной методологии. Другое серьезное отличие связано с языком. Говоря об идее единства, Гурджиев настойчиво подчеркивает это отличие:

"Для субъективного сознания мир расколот на миллионы отдельных, не связанных между собой явлений. Попытки связать эти явления в какого-то рода философскую и научную систему ни к чему не приводят, потому что люди не в состоянии воссоздать, идею целого, отправляясь от отдельных фактов, и не способны постичь принцип разделения целого, не зная законов, на которых основано такое разделение.

Тем не менее, идея всеобщего единства существует и в интеллектуальном мышлении; но такую идею в ее отношении к многообразию невозможно ясно выразить в словах или логических формах: всегда остается непреодолимая трудность языка. Язык, построенный посредством выражения впечатлений множественности в субъективных состояниях сознания, никогда не сможет с достаточной точностью, полнотой и ясностью передать идею единства, которая для объективного сознания является простой и очевидной.

Понимая несовершенство и слабость обычного языка, люди, обладавшие объективным знанием, пытались выразить идею единства в "мифах" и "символах", в особых "словесных формулах", которые, передаваясь без изменений, передавали идею из одной школы и из одной эпохи в другую"⁴¹.

Я подробно рассматривал языковые проблемы в своей работе «Nous, le particule et le monde». Упомянем здесь лишь некоторые аспекты. Научное понятие имеет четкой

значение и (в точных науках) математический аспект – конечно, в смысле «количественной математики». С другой стороны,

"Символ никогда нельзя брать в окончательном и определенном смысле. Выражая законы единства в бесконечном многообразии, символ обладает бесчисленным множеством аспектов, в которых его можно рассматривать; и от человека, подходящего к нему, требуется умение видеть его сразу с нескольких точек зрения"⁴².

Более того, «символ никогда не может быть окончательно истолкован. Он может только быть пережит»⁴³. Точность символа выражается именно в неизменности, скрытой за бесконечной множественностью его аспектов. Можно утверждать, что символическое мышление, как и научное, также связано с математикой, но с «качественной математикой». Вспомним о том, что Галилей, один из основателей современной науки, проводил различие между «божественной математикой» и «человеческой математикой».

Как видно, Гурджиев не отрицает того, что идея единства всего может появиться также и в научной или философской мысли, но ссылается на «непреодолимую трудность языка». Исключительный прогресс в физике за последние десятилетия объясняется не только тем фактом, что преобладающие идеи единства и объединения привели к чрезвычайно плодотворным теоретическим и экспериментальным результатам. Он обязан также тому, что в этой системе взглядов возникали идеи нового типа, которые я называю «идеи-символы». Идеи-символы, подобно теории самосовершенствования или объединению всех взаимодействий, обладают всеми характеристиками символа, за исключением того факта, что для их эффективности в научном плане они должны иметь частичное, усеченное значение, в зависимости от их общей формулировки. Это объясняет, почему существует несколько формулировок теории самосовершенствования или теории объединения. Это также объясняет, почему знаменитая теория объединения всех взаимодействий включает в себя только физические взаимодействия. Более того, не исключено, что при попытке объяснить взаимодействия, происходящие на сверхвысоких уровнях энергии с событиями, происходящими на более низких уровнях, трудности, с которыми сталкивается эта теория, связаны именно с символическим характером идеи объединения. Теория, основанная на идее-символе, по определению, является открытой теорией, пытающейся объять безграничное богатство символа. Символ обеспечивает подобной теории устойчивость. Открытая теория может изменить форму и математическую формулировку, но ее направление всегда останется прежним.

В любом случае, появление в науке идей-символов представляет собой подлинную концептуальную революцию, уходящую далеко за пределы науки. В наше время впервые стал возможен диалог между наукой и традицией, диалог, необходимость которого ясна более, чем когда-либо.

ЖИЗНЬ, ГЕЯ И АНТРОПИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП

За редкими исключениями, современная философия считает, что жизнь и человек возникли в результате случайности. Однажды мы случайно появились на маленькой планете, вращающейся вокруг определенной звезды, на далекой окраине галактики, не представляющей собой ничего особенного. Наши философы с радостью и твердой уверенностью пропагандируют этот печальный и тягостный образ.

В этом отношении Гурджиевская точка зрения полностью противоположна точке зрения современной философии. Для него жизнь и человек являются продуктами космической необходимости – жизнь не может существовать без Вселенной, а Вселенная не может существовать без жизни. «Таким образом, органическая жизнь представляет собой необходимое звено в цепи миров, которые не могут существовать без нее, как и она

не может существовать без них»⁴⁴. Согласно космологии Гурджиева, жизнь появилась как необходимая точка разрыва, чтобы заполнить, в соответствии с законом семи, один из интервалов космической октавы: «Эти условия для обеспечения перехода сил создаются при помощи устройства особого механического приспособления между планетами и Землей. Это механическое приспособление, "передаточная станция" сил, - есть органическая жизнь на Земле. Органическая жизнь на Земле была создана, чтобы заполнить "интервал" между планетами и Землей»⁴⁵.

Парадоксальным образом этот взгляд на необходимость жизни подтверждается не философией, а наукой. Мне хотелось бы поговорить о знаменитом «антропическом принципе» («антропический» происходит от греческого слова *антропос*, означающего «человек»). На эту тему имеется обширная литература⁴⁶. Мы ограничимся обсуждением лишь некоторых аспектов в связи с Гурджиевской космологией.

Антропический принцип был введен Робертом Х. Дикке в 1961 году и получил свое развитие в работах Брэндона Картера, Стивена Хоукинга, Джона Барроу, Фрэнка Типлера* и других исследователей.

В наше время антропический принцип представлен в различных формулировках. Несмотря на такое разнообразие, его основная идея легко распознаваема: наличие взаимосвязи между появлением человека, «разумной» жизни в космосе – и физических условий, регулирующих эволюцию Вселенной. Эта взаимосвязь находится в очень жестких рамках: если значение определенных физических констант или параметров, проявляющихся в определенных законах, хотя бы незначительно изменяется, то исчезают физические, химические и биологические условия, допускающие появление человека. «Большой сюрприз, - пишет Хьюберт Ривз*, - кроется в том, что квази-полнота вымышленных Вселенных, смоделированных физиками на компьютерах, будет чрезвычайно отличаться от нашей Вселенной. В частности, такие Вселенные будут абсолютно неспособны породить живых существ, обладающих биохимической структурой»⁴⁷. Брэндон Картер подчеркивает важность гравитационной постоянной*. Эта константа должна находиться близко к экспериментально наблюдаемому значению, чтобы планеты могли существовать достаточно длительное время для появления жизни на них. Слишком сильная или слишком слабая гравитация приводит либо к эфемерным планетам, либо просто к невозможности появления на них живых существ. Константа взаимодействия (гравитационная постоянная), характеризующая сильные взаимодействия, происходящие в квантовом мире, весьма точна: «Если сила оказывается большей, чем должна быть... не появится водорода для образования звезд первостепенной важности... И наоборот, если она слишком мала, не появятся такие сложные атомы, как углерод»⁴⁸.

Таким образом, эволюция Вселенной регулируется необъятной самосостоятельностью, включающей в себя как физические взаимодействия, так и феномен жизни. Галактики, звезды, планеты, человек, атом, квантовый мир объединены одной и той же самосостоятельностью. В этом смысле антропический принцип можно рассматривать как особый случай самосовершенствования и как иллюстрацию Трогоавтоэгократического процесса.

Не нужно смешивать самосостоятельность антропического принципа с простой когерентностью последовательностью. Мы можем думать, что благодаря тому простому факту, что Вселенная существует, она обязательно должна быть логически последовательна, когерентна, гармонична. В этом смысле антропический принцип превращается в тривиальное утверждение. Но гармония нашей Вселенной – весьма специфична. С точки зрения физики, ничто не препятствует созданию различных Вселенных, в которых могла бы присутствовать жизнь, по тем же физическим законам, но с другими константами и параметрами, применимыми к этим законам. Но

* Robert H. Dicke, Brandon Carter, Stephen Hawking, John Barrow, Frank Tipler.

* Hubert Reeves.

* Coupling constant.

астрофизические исследования доказывают удивительный факт: чтобы появилась жизнь, огромное количество этих констант и переменных должны находиться в чрезвычайно жестких рамках. Таким образом, антропический принцип неявным образом ставит ошеломляющий вопрос об уникальности этого мира.

В любом случае, тот факт, что для того, чтобы на маленькой планете появилась жизнь, необходимо по меньшей мере создание целой галактики, открывает широкие перспективы философского и поэтического плана. В своих петербургских и московских группах Гурджиев настаивал на том, что жизнь появилась не благодаря случайному созданию на земле определенных молекулярных структур, но пришла «Свыше», из мира небесных тел. Успенский комментирует: «органическая жизнь... начинается на Солнце. Последний пункт был наиболее важным, потому что он вновь, как и многое в системе Гурджиева, оказался в противоречии с обычными теориями возникновения жизни, так сказать, снизу. В его объяснении жизнь пришла сверху».⁴⁹ Эта точка зрения находится в полном соответствии с антропическим принципом: для появления жизни необходима как минимум галактика, поэтому в этом смысле жизнь имеет небесное происхождение. Мы – дети звезд.

Если принять небесное происхождение жизни, становится интересно прояснить взаимоотношение между жизнью и Землей. По Гурджиеву, жизнь – это «орган восприятия Земли»⁵⁰. Для него, как и для Кеплера, Земля – живое существо. Она даже говорит о «степени разумности», которой обладает Земля. На научном плане подобная точка зрения может показаться совершенно нереалистичной (если не сюрреалистичной). Но здесь сюрприз преподносит сама наука. После продолжительных исследований весьма серьезный ученый Джеймс Лавлок* формулировал «гипотезу Геи»: Земля действует как живой организм. Таким образом, биосфера представляет собой саморегулирующееся существо, управляющее физическим и химическим окружением для обеспечения условий существования жизни*. (Имя «Гейя» - греческой богини Земли, данное этой гипотезе, было предложено писателем Уильямом Голдингом*).

«Гипотеза Геи», в свою очередь, представляет собой настоящую идею-символ. Поэтому, хотя в Гурджиевской философии природы понятия «жизнь» и «разум» гораздо богаче, нежели в «гипотезе Геи», тем не менее, между ними можно безусловно провести связь.

Гурджиевская философия природы связывает воедино две научные гипотезы, принадлежащие совершенно различным областям: антропический принцип и «гипотезу Геи».

ГУРДЖИЕВ И ТЕОРИЯ СИСТЕМ

Удивительное сходство можно обнаружить также между Гурджиевскими идеями и теорией систем, появившейся несколько десятилетий спустя формулировки его учения. В этой связи нужно отметить, что в Гурджиевской терминологии слово «система» появляется, когда он говорит об «Общесистемном гармоничном движении», «общесистемной гармонии» или «общим систематическом движении»⁵¹.

Современная теория систем появилась, как отказ от классического реализма, не соответствующего данным современной науки, и как попытка упорядочить сложные взаимоотношения, проявляющиеся во всех областях реальности и особенно в физике. Системный подход происходит из таких разнообразных областей науки, как биология,

* James Lovelock.

* Здесь уместно вспомнить также труды В.И. Вернадского, впервые сформулировавшего собственно понятие «биосфера», и Хосе Аргуэльеса, исследующего проблемы грядущего перехода из биосферы в ноосферу. (Прим. пер.).

* William Golding.

экономика, химия, экология и физика. Конечно, мы не будем рассматривать здесь технические или математические аспекты различных теорий систем, а взглянем на теорию систем как на видение мира, что так хорошо описано Эрвином Ласло⁵².

Косвенным образом мы проследим параллели между Гурджиевской философией природы и теорией систем.

Перед тем, как перейти к отличиям (которые не менее интересны), позвольте обобщить эти параллели:

1. Мы можем представлять Вселенную великим целым, гигантской космической матрицей, в которой все находится в вечном движении и энергетическом формировании. Это Все регулируется универсальной взаимозависимостью. По Гурджиеву, эта взаимозависимость обусловлена действием прерывности – характеристикой закона семи и закона октавы. «Закон октав объединяет все процессы Вселенной»⁵³. Это единство не статично; оно включает в себе дифференциацию, многообразие, появление иерархических уровней, относительно независимых систем, «объектов», рассматриваемых как локальные конфигурации энергии. По Гурджиеву, появление этих свойств обусловлено существованием различных материй-энергий и действием закона трех.

2. Различные системы представляют собой множества элементов, взаимодействия между которыми нельзя свести к нулю: отсутствие взаимодействия означает смерть, исчезновение системы, ее распад на составные части. Само существование системы означает, что она – не просто сумма ее частей. Итак, по Гурджиеву, системой можно назвать все, учитывая, что каждая отдельная частица Вселенной оживлена движением, и что часть всегда соотносится с целым. В этом случае очень четко видно, что множество частей – больше, чем их простая сумма.

3. Открытость системы, ее взаимодействие с другими системами предотвращает ее дегенерацию, смерть из-за неизбежной деградации энергии и увеличение беспорядка. Таким образом, для обеспечения многообразия мира, вечного и универсального энергетического обмена должна быть создана «система систем», система гигантской и непрерывной нераздельности, как вертикальная гарантия «жизни» остальных систем. Открытые системы действуют, по словам Эрвина Ласло, «как модули координации природной иерархии»⁵⁴. В Гурджиевской космологии открытость создается комплексным действием закона семи, но этот предмет слишком объемнен для данной статьи⁵⁵. отметим лишь две характеристики, обуславливающие открытость: (1) «Любая нота любой октавы может быть любой нотой любой иной октавы, проходящей сквозь нее» и (2) «Каждую ноту любой октавы можно рассматривать как октаву на другом плане. Каждая нота этих внутренних октав опять-таки содержит в себе целую октаву»⁵⁶. Это второе свойство придает цепи систем вид дерева.

4. В отличие от редукционизма, объясняющего многообразие как субстанцию, общую для различных систем, теория систем, как и Гурджиевское учение, рассматривает общую организацию. Эта общая организация имеет энергетическую природу; энергия предстает, как объединяющая концепция «субстанции» - «кристаллизованной» формы энергии – и «информации» – «кодированной» формы энергии. По Гурджиевской космологии, общая организация обусловлена совместным действием закона трех и закона семи. Эти законы обеспечивают неизменность энергетической структуры и стабильность естественных систем.

5. Естественные системы образуются из самих себя; они создают себя во времени. Естественные системы избегают устойчивости, эквивалентной дегенерации и смерти, благодаря достижению – посредством открытости другим системам – стабильности в неустойчивости. Итак, неустойчивость становится источником эволюции и творения. Самоорганизация и самосотворение естественных систем – несомненные признаки свободы, но свободы, действующей в рамках согласованности и совместимости с необходимой динамикой Всего.

Эти характеристики можно встретить и в космологии Гурджиева. В Гурджиевской Вселенной сосуществуют детерминизм и индетерминизм. Различные семеричные циклы могут эволюционировать или инволюционировать; они могут быть связаны между собой самыми разнообразными способами. От этих взаимосвязей зависит самоорганизация и самосотворение различных систем. Наконец, особо выделяется роль флюктуаций:

"Закон октав объясняет многие явления в нашей жизни, которые иначе понять невозможно. Первое - это принцип отклонения сил. Второе - тот факт, что в этом мире ничто не стоит на одном месте, не остается тем, чем было; все движется, все куда-то перемещается, все меняется и неизбежно или развивается, или идет вниз, ослабевает и вырождается, иными словами, все движется или по восходящей, или по нисходящей линии октав. И третье - что в развитии восходящих и нисходящих октав постоянно происходят флюктуации - подъемы и падения"⁵⁷.

Как в подобной философской форме рассматривать теорию систем? Как естественную философию? Определенно нет, поскольку ее гипотезы выходят за пределы изучения естественных систем, давшего толчок ее появлению. Скорее, это попытка создания современной философии природы⁵⁸, которую можно методологически сравнить с Гурджиевской космологией. Верно и то, что теория систем в значительной степени пренебрегает квантовой физикой и астрофизикой, что безусловно снижает ее философский интерес, как попытку дать общее описание Вселенной.

Если параллели между теорией систем и Гурджиевским учением весьма интересны, то различия между ними не в меньшей степени поучительны:

1. Теория систем, завораживающая во многих отношениях, тем не менее становится чрезвычайно расплывчатой и туманной, когда речь заходит о динамическом описании единства многообразия, или многообразии единства. С другой стороны, согласно Гурджиеву, «Число фундаментальных законов, управляющих всеми процессами в мире и в человеке, очень невелико. Разные сочетания немногих элементарных сил создают все кажущееся многообразие явлений»⁵⁹. Этот гипотетически-дедуктивный метод, которым пользовался еще Кеплер, встречается и в современной науке. Мы постулируем некоторое число законов, часто очень абстрактных, математических, а посему далеких от непосредственно наблюдаемой реальности; мы выводим следствие этих законов и сравниваем результаты с экспериментальными данными. В Гурджиевской космологии фундаментальными законами Вселенной являются закон трех и закон семи (или октав). В его философии природы эти законы имеют полностью аксиоматический характер. Труды Гурджиева и Успенского являются свидетельством плодотворности подобного подхода. На мой взгляд, основная слабость современной теории систем – именно в отсутствии аксиоматического подхода.

2. Когда теория систем говорит об «обмене» (веществ, энергии, информации), очевидно, что имеется в виду горизонтальный обмен, происходящий между системами одного и того же уровня (уровня частиц, человеческого уровня, планетарного уровня). Но в Гурджиевской Вселенной равным образом учитывается вертикальный обмен, происходящий между системами разных уровней благодаря тому, что эти уровни обладают общей материей-энергией; существует не одна, а несколько материй-энергий. Тот факт, что законы, управляющие различными уровнями, различны, объясняет, почему вертикальные обмены все же столь редки и почему они связываются с исключительным утоньшением. Мы можем заменить слово «уровень» на слово «космос», добавив к нашим посылкам дополнительные измерения пространства. Но теория систем не рассматривает существование нескольких космосов.

3. В теории систем понятие «комплексности», или «сложности», выглядит по своей сути неопределенным. Эта неопределенность обусловлена тем фактом, что комплексность

зависит от природы пространства-времени. В подавляющем большинстве работ, посвященных теории систем, «комплексность» неявным образом связывается с непрерывным, четырехмерным пространством-временем, характеризующим наш собственный уровень. В наше время для описания естественных систем возможен не только четырехмерный континуум пространства-времени. Как мы уже замечали, на квантовом уровне мы можем допустить существование пространства-времени с числом измерений, бóльшим четырех – или даже дискретное пространство-время. В каждом случае очевидно, что комплексность будет обладать различной природой.

Те же замечания применимы и к Гурджиевской космологии. Для него различные космосы связаны с различным числом измерений их собственного пространства-времени. Следовательно, при переходе из одного космоса в другой комплексность будет четко отличаться.

4. В теории систем время не обладает какой-то особенной характеристикой по отношению к его обычным физическим качествам, в то время как Гурджиев проводит тонкое различие между временем и пространством. Согласно ему, время – это «Единственное-Идеальное-Субъективное-Явление»:

"Время само по себе не существует; имеется лишь совокупность результатов, вытекающих из всех космических явлений, присутствующих в данном месте. Само Время ни одно существо не может ни понять разумом, ни почувствовать какой-либо внешней или внутренней бытийной функцией. Его нельзя ощутить даже никакой степенью инстинкта, который возникает и присутствует в каждом более или менее независимом космическом сгущении... О времени можно судить, только если сравнивать реальные космические явления, происходящие в одном и том же месте и в тех же самых условиях, где Время констатируется и учитывается... Только одно Время не имеет объективного смысла, так как оно не является результатом деления на отрезки каких-либо определенных космических явлений. И оно не исходит из чего-нибудь, а всегда сливается со всем и становится самостоятельным и независимым; поэтому во всей Вселенной только его одно можно назвать и превознести как «Единственное-Идеальное-Субъективное-Явление»⁶⁰.

Эти высказывания Гурджиева представляют интересную диалектику между временем и не-временем, между временем и отсутствием времени.

Рассматриваемый отдельно, пространственно-временной континуум представляет собой приближение, как субъективный феномен, связанный с подсистемой. Каждая подсистема, соответствуя определенному уровню материальности, имеет собственное пространство-время. Таким образом, время, ассоциирующееся с подсистемой, будет «дыханием»⁶¹, характеризующим индивидуальность данной подсистемы в единстве Вселенной.

С другой стороны, согласно Гурджиевскому определению времени, если мы учитываем все феномены во всех местах Вселенной, время прекращает существовать. Единство бесконечной цепи взаимосвязанных систем дает возможность избежать воздействия времени; оно находится вне времени.

5. Несмотря на взаимодействие между системами и их бесконечную цепь, теория систем не придает особого значения месту этих систем в целокупности всех систем и отношению той или иной системы к целому. С другой стороны, по Гурджиеву эти аспекты весьма существенны. Для их изучения он вводит принцип относительности:

"Изучение отношения законов к плоскостям, на которых они проявляются, приводит нас к пониманию относительности. Идея относительности занимает в этом учении весьма важное место, и позднее мы к ней еще вернемся. Но прежде всего нужно

понять относительность каждой вещи и каждого проявления в зависимости от места, занимаемого в космическом порядке"⁶².

Может показаться удивительным выбор слова «относительность». Вероятно, Гурджиев знал о теории относительности Эйнштейна. Употребил ли он это слово иронически? Но, в точном соответствии с теорией Эйнштейна, многообразие феноменов в различных системах координат сосуществует с неизменностью физических законов во всех системах координат. Таким же образом, в космологии Гурджиева великое многообразие феноменов, происходящих в различных космосах, сосуществует с неизменностью великих космических законов – законом трех и законом семи. Гурджиев настаивал на необходимости изучения феноменов одного космоса с точки зрения законов другого космоса. Точно так же, если мы сменим одну систему координат на другую, то, согласно теории относительности Эйнштейна, мы продемонстрируем – многообразием этих трансформаций – динамический аспект законов неизменности.

Гурджиев говорит о «точном языке», структура которого основывается на принципе относительности. Все идеи этого нового языка сосредоточены вокруг единственной идеи: эволюции. «Место в космическом порядке», рассматриваемое Гурджиевым в его определении принципа относительности, фактически есть «место на лестнице эволюции»⁶³.

Вероятно, принцип относительности, со всеми вытекающими из него следствиями, представляет собой наиболее важное отличие между теорией систем и Гурджиевской философией природы.

ОСНОВА ЗНАНИЯ И ОСНОВА ПОНИМАНИЯ В НАШЕ ВРЕМЯ

Нет нужды лишний раз говорить о гегемонии технонауки в нашем обществе. Слово «наука» в наше время неразрывно связано с понятием «могущество». Но чему служит это знание? Во имя чего так бурно развивается технонаука?

Эти вопросы могу показаться бесполезными, поскольку автоматически проводится связь между словами «технонаука» и «прогресс». К несчастью, слово «прогресс» - одно из самых двусмысленных и ядовитых слов нашего языка.

В отсутствии системы ценностей развитие технонауки следует своей собственной логике: будет сделано все, что может быть сделано. На миг задумавшись, мы можем осознать, насколько пугающа такая логика технонауки. Невозможно счесть ее губительные последствия для человеческого рода, часть которых наблюдается уже сегодня. Ряд философов не преминул отметить опасности технонауки, следующей исключительно собственной логике.

Так, философ Мишель Анри* заявляет, что технонаука – причина нового варварства: «Наносится ущерб самой жизни, разрушаются все наши ценности не только эстетические, но также и этические и сакральные – а с ними и сама возможность жить»⁶⁴. Несколько подлинных ученых, еще умудряющихся выживать в мире науки (их особенно много среди биологов и практически нет среди физиков) яростно выступают против подобного варварства. Не приходилось ли вам слышать, будто изучение мозга должно привести к формулировке этики? Такие нелепые утверждения укрепляют точку зрения Мишеля Анри.

В основном позиция Мишеля Анри совпадает с позицией Гурджиева. По Гурджиеву, упадок и исчезновение цивилизаций связано с «нарушением равновесия между “знанием” и “бытием”»: «В истории человечества известны многочисленные

* Michel Henry.

примеры, когда из-за перевеса знания над бытием или бытия над знанием погибали целые цивилизации»⁶⁵. А разве мы не живем в мире, где знание намного перевешивает бытие?

В этой связи Гурджиев разделяет «основу знания» и «основу понимания». «Знание - это одно, понимание - другое. Люди часто смешивают эти понятия и не видят ясно разницу между ними. Знание само по себе не дает понимания; и понимание не увеличивается благодаря росту одного лишь знания. Понимание зависит от отношения знания к бытию, это - равнодействующая знания и бытия. И знание не должно отходить от бытия чересчур далеко, иначе понимание окажется слишком далеким от того и другого. Вместе с тем, отношения между знанием и бытием не меняются вследствие простого роста знания. Они изменяются только тогда, когда бытие и знание растут одновременно. Иными словами, понимание возрастает лишь с возрастанием уровня бытия»⁶⁶. Гурджиев иронически описывает «ученого новой формации», служащего единственно знанию:

"Особенно западная культура убеждена в том, что человек может обладать огромными знаниями, быть, например, способным ученым, делать открытия, двигать вперед науку, и в то же время оставаться - и иметь право оставаться - мелочным, эгоистичным, придирчивым, низким, завистливым, тщеславным, наивным, рассеянным человеком. Здесь, кажется, считают, что профессор должен всегда и везде забывать свой зонтик. Таково его бытие; а люди думают, что его знание не зависит от его бытия. Люди западной культуры высоко ценят уровень знания человека, но не ценят уровень его бытия и не стыдятся низкого уровня собственного бытия. Они даже не понимают, что это значит, не понимают, что уровень знания человека зависит от уровня его бытия. Если знание уходит далеко вперед от бытия, оно становится теоретическим, абстрактным и неприменимым к жизни, а фактически - вредным; ибо вместо того, чтобы служить жизни и помогать людям успешно бороться с трудностями, которые им встречаются, оно осложняет жизнь человека, привносит в нее новые затруднения, горести и беспокойства, которых в ней не было раньше. Причина этого заключается в том, что знание, которое не находится в согласии с бытием, не может быть достаточно полным и соответствовать реальным нуждам человека. Оно всегда остается знанием *лишь одной вещи*, игнорирующим *другую вещь*, знанием *детали* без знания *целого*, знанием *формы* без знания *сущности*. Такое преимущество знания перед бытием наблюдается в современной культуре. Идея же ценности и важности бытия и его уровня совершенно забыта; забыто и то обстоятельство, что уровень знания определяется уровнем бытия. Фактически на данном уровне бытия возможно знание, ограниченное известными пределами. В границах данного бытия улучшение качества знания совершенно невозможно, и происходит накопление информации одной и той же природы в пределах уже известного. Изменение же самой природы знания возможно только с изменением природы бытия"⁶⁷.

Мы можем видеть всю важность Гурджиевской философии природы в его определении «основы понимания»: отношение между проявлениями на различных планах реальности, отношение между частью и целым, отношение между формой и структурой.

С другой стороны, в Гурджиевской терминологии смысл слова «быть» очень точен. Он связан с эволюцией – центральным аспектом устного и письменного учения Гурджиева. Гурджиев возражает против принятого значения выражения «эволюция человека»: Только такая теоретическая и далекая от жизни мысль, как европейская, способна представить себе эволюцию человека как процесс, *не связанный* с окружающей природой, рассматривать эволюцию как постепенную *победу над природой*. Это совершенно невозможно»⁶⁸. Более того, абсурдна и разрушительна сама идея «победы над природой»; ей обусловлен тревожный и опасный характер технауки. Человек – часть природы, а не ее завоеватель. В этом смысле каждая «победа над природой» потенциально может оказаться парадоксальным поражением человека. Скорее, нужно рассматривать

связь между человеком и природой. Но такая связь возможно только при наличии «основы понимания».

В «Рассказах Баалзебуба своему внуку» Гурджиев описывает некоторые детали внутренней алхимии, ведущей к «основе понимания», но для полного осознания смысла этого выражения необходимо основательное знание учения Гурджиева. Достаточно сказать, что по Гурджиеву «основа понимания» органически сплавлена с бытием человека, в то время как «основа знания» представляет собой лишь голую информацию. В любом случае, в той или иной форме именно «основа понимания» могла бы помочь развитию диалога между наукой и смыслом.

Современное взаимодействие между наукой и смыслом характеризуется появлением идей-символов, подтверждаемых важными научными открытиями – немаловажное событие, которое, на мой взгляд, единственно способно совершить подлинную революцию. Возможно, мы находимся на пороге нового Возрождения, одним из условий которого является именно диалог между наукой и смыслом. Наука все ближе и ближе подходит к своим пределам, проистекающим из ее собственной методологии. Наука может распознавать знаки природы, но из-за собственной методологии неспособна раскрыть смысл этих знаков. Наука содержит в себе гигантский технологический потенциал. Сама по себе технаука, оторванная от философии из-за ее доминирующего положения в нашем обществе, может вести только к саморазрушению. Наше саморазрушение неминуемо порождается онтологическим непониманием знаков природы, все более и более многочисленных, более и более мощных, более и более активных. Это онтологическое непонимание, в свою очередь, приводит к технологическому, анархическому развитию, неизменно сопровождаемому беспокойством об эффективности и прибыли.

Нам необходим посредник между наукой и смыслом. Таким посредником может стать только новая философия природы. Отправной точкой для такой новой философии может стать лишь современная наука, но наука, которая, достигнув собственных пределов, допускает и даже призывает онтологическую открытость. Развитие идей-символов в квантовой физике и других науках, равно как и интерпретация ряда важнейших научных открытий, открывает невероятно свободное пространство, в котором возможен диалог между прошлым и будущим, между наукой и философией природы, искусством, традицией и другими формами знания.

Трудно представить себе возврат к древним философиям природы при нынешнем состоянии знания и нынешних тенденциях в философских, исторических, социологических и религиозных сферах. Но изучение ряда философий природы, такой, как Гурджиевская философия природы, демонстрирующая глубинные соответствия с современной наукой, может оказаться бесценным подспорьем в поисках философии природы, приспособленной к нашему времени. Гурджиевская философия природы, несомненно, опережает наше время, так же, как она предвосхитила некоторые аспекты современной науки. В любом случае она может помочь в выборе между новым варварством и новым Возрождением. И к этому Возрождению нас может привести только «основа понимания».

КОММЕНТАРИЙ РЕДАКТОРА:

Замечательный в некоторых отношениях текст г-на Николеску вполне заслуживает послесловия. Оставим вводную часть, во многом спорную, на совести автора. И продолжим вместе с ним интерпретацию некоторых идей.

Бедного Абсолюта терроризирует Время и грозит его скукожить. Тот защищается, как может, и частокол Дней Браммы должен отгородить его от злой напасти. Но затухающий ли это процесс – День-Ночь, сутки прочь? Если вдруг, не дай Бог, да, то надо Абсолюту помочь, подкинуть пару идей, ведь нам со стороны видней!

Ну, например: если все мировые события повязаны круговой порукой, то, стало быть, в каждый момент времени их дальнейшее развитие предсказуемо. Ибо события развиваются по законам и имеют с ними обратную связь (что важно). Кстати, природа самих законов, их сущность и генезис нашим братьям ученым-материалистам неведома, но это их нисколько не смущает. Но предсказуемость мировых событий – фактор уязвимости Вселенной и, раз уж она является оборонительным приспособлением против страшного Времени, то эту уязвимость нужно Абсолюту преодолеть. Поможем?! Нет, без дураков, ведь для победы, возможно, достаточно лишь прецедента, это не обязательно должно быть что-то вселенски-глобальное. Более того, возможно, этот прецедент уже свершился в прошлом (или по-любому свершится в будущем), и в наших услугах никто особенно не нуждается. Но все же – почему бы и нет: помочь дедушке-Абсолюту – абсолютно благородная задача, и попробуйте-ка придумать другое столь же увлекательное занятие! Посему создание включенных во вселенские процессы достаточно независимых автономий, реализующих принципы непредсказуемости, привносит массу смысла (и силы) и в наше существование, и в существование Вселенной. А что же господа квантовые механики? Судя по статье г-на Николеску, они спят и видят, как бы пожить у религий, учений и т.п. новыми идеями для своей научной деятельности. Бог в помощь! К разрушению монополии бинарной логики уже и так пришли технари-практики: они обнаружили, что память компьютера можно более эффективно организовать не на двоичном битовом принципе, а на тернарном. И уже пытаются экспериментировать с этим. Так что, если квантовые теоретики не совсем еще вялые, то им стоит подзаняться математическим представлением информации о мире в ключе сопряжения законов трех и законов семи (по Гурджиеву).

В заслугу современной физике можно зачесть то, что она умудрилась-таки обнаружить эту простую по сути вещь: информационный контекст вселенской природы не должен быть представлен в виде единого мономорфного дизайна. Но только открытый комплекс дизайнов позволит ухватить суть этой природы и обрести в ней свою роль активного присутствия и участия. А роль пассивного наблюдателя здесь, в нашей Вселенной, не актуальна, она не позволяет быть достаточно адекватным ее природе и, соответственно, эффективно понимать и отражать эту природу; удел такого наблюдения – заблуждение. Итак, поможем Абсолюту?!

¹ П.Д. Успенский, «В поисках чудесного».

² Там же.

³ Макс Планк, «Посвящение в физику».

⁴ Там же.

⁵ Г.И. Гурджиев, «Рассказы Баалзебуба своему внуку».

⁶ Г.И. Гурджиев, «Взгляды из реального мира».

⁷ П.Д. Успенский, «В поисках чудесного».

⁸ Там же.

⁹ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Г.И. Гурджиев, «Взгляды из реального мира».

¹² П.Д. Успенский, «В поисках чудесного».

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Г.И. Гурджиев, «Рассказы Баалзебуба своему внуку».

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же.

-
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Basarab Nicolescu, “Science, Meaning and Evolution: The Cosmology of Jacob Boehme”
- ²⁷ Г.И. Гурджиев, «Рассказы Баалзебуба своему внуку».
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ П.Д. Успенский, «В поисках чудесного».
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Г.И. Гурджиев, «Рассказы Баалзебуба своему внуку».
- ³¹ Paul Davies, “Superforce: the Search for a Grand Unified Theory of Nature”.
- ³² Там же.
- ³³ П.Д. Успенский, «В поисках чудесного».
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Edwin A. Abbott, “Flatland”.
- ⁴⁰ П.Д. Успенский, «В поисках чудесного».
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ George Gale, “The Anthropic Principle”; John. D. Barrow and Frank J. Tipler, “Anthropic Cosmological Principle”; Xavier Sallantin, “Le monde n’est pas malade, il enfante”.
- ⁴⁷ John. D. Barrow, Frank J. Tipler and M.-O. Monchicourt, “L’Homme et le cosmos – Le Principe anthropique en astrophysique moderne”. Afterword by H. Reeves.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ П.Д. Успенский, «В поисках чудесного».
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Г.И. Гурджиев, «Рассказы Баалзебуба своему внуку».
- ⁵² E. Laszlo, “The Systems View of the World”.
- ⁵³ П.Д. Успенский, «В поисках чудесного».
- ⁵⁴ E. Laszlo, “The Systems View of the World”.
- ⁵⁵ См. П.Д. Успенский, «В поисках чудесного», и Г.И. Гурджиев, «Рассказы Баалзебуба своему внуку».
- ⁵⁶ П.Д. Успенский, «В поисках чудесного».
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ Erich Jantsch, “Self-Organizing Universe”.
- ⁵⁹ П.Д. Успенский, «В поисках чудесного».
- ⁶⁰ Г.И. Гурджиев, «Рассказы Баалзебуба своему внуку».
- ⁶¹ П.Д. Успенский, «В поисках чудесного».
- ⁶² Там же.
- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ Michel Henry, “La barbarie”.
- ⁶⁵ П.Д. Успенский, «В поисках чудесного».
- ⁶⁶ Там же.
- ⁶⁷ Там же.
- ⁶⁸ Там же.